

Лукницкий Феликс Исаевич родился 25 сентября 1937 года в Ленинграде. Всю свою жизнь провёл в Ленинграде и в Санкт-Петербурге, включая Блокаду и Войну. В 1954 г. окончил с золотой медалью 200-ю мужскую среднюю школу, в 1959 г. – с отличием – Ленинградский химико-фармацевтический институт, кандидат химических наук. Ведущий специалист по технологиям производства витаминов С, Д2 и Д3. Изобретатель. Ветеран спорта. Член Союза Профессиональных Литераторов (2013). Стихи публиковались в «Ленинградской Правде» и в «СПБ Ведомостях», в литературных журналах «Невский Альманах», «Гармония», «Окно», «Зинзивер», в Антологиях современной поэзии (Петербург) и в ряде других поэтических изданий Петербурга, Москвы, Самары, Нижнего Новгорода, Израиля. Публицистика – в «СПБ Ведомостях». Три книги стихов: «Четыре возраста любви», 2000 г.; «Три четверти», 2003 г.; «Обретения и потери», 2009 г. Издание 4-й книги стихов намечено на 2017 год. Выступает на радио «Петербург», участник многих литературных фестивалей и конкурсов.

* * *

О, век шестнадцатый, – дуэли, да сраженья,
Междоусобицы, предательства, интриги...
Для женщин главное – рецепт омоложения.
Мужчинам тягостны семейные вериги.

Нева в шестнадцатом столетии точно та же –
По полноводности, длине и своеволию, –
Что ныне. Только население в эспаже:
Нет ни мостов,
ни финско-русских словарей...
Но все довольны.

А веку нашему, подростку, что досталось?
Дуэлей нет, но есть предательства, интриги.
У женщин вижу «глаз осеннюю усталость».
ТВ-политики – болтают о блицкриге.

Поэтов рать – неисчислима, ненасытна.
В доспехах Пушкина, в камзоле Пастернака,
В жилетке Бродского – рифмует неусыпно,
Порой изысканно – Монако с гуанако.

В чём нео-женщины находят вкус, однако.

* * *

Галине Илюхиной

Когда-то в Келомяках я бывал,
В Куоккале, в Юкках и в Терийоках –
На лыжах, электричкой, на порогах,
В заросших за полсотни лет окопах –
Я финское былое открывал.

Из прошлых Келомяков память-нить –
Прерывисто-мерцающим пунктиром:
То зрительно, то песенным мотивом,
То с другом в лавку за аперитивом...
Мне прошлое с сегодня – не сравнить.

И всё ж предпочитаю я Кексгольм
Возлюбленным тобою Келомякам.
В Приладожье – по мшаникам, по мятам,
Небритым, неухоженным, помятым –
Я принят.

В Келомяках я – изгой.

АКВА-АЭРОБИКА

Лето близится, и замыслы роятся.
Глобус крутится, тираню Интернет:
Двинуться куда и чем заняться?
Здесь иль на ближайшей из планет.

То ли утречком да с удочкой – на Сене,
То ли с лодочки на Волге – в Костроме...
То ли – с милой и единственной – на сене,
То ль с лопатой и кайлом – на Колыме...

То ль за омулем в путину побайкалить?
То ль на август десантироваться в Крым, –
Извлекать из неких водорослей камедь,
Помогать стихами лёгочным больным?..

То ли сплавиться с командой по Сунгарии?
По Камчатке, говорят, не меньше риск.
То ль на спор – в корыте – вниз по Ниагаре,
Заслужив посмертно скромный обелиск?..

То ль во Вроцлав позвонить,
спросить Ядвигу –
Не осталось ли кроссовок запасных?
То ли в Питере – издать за лето книгу?...
Но на книгу вряд ли хватит отпускных.

ПОД СОСНОВО

Под Сосново – ясно солнышко с утра,
Но внезапно – ураганные ветра.
Смерчи рушат вековые деревья,
Корабельный лес уходит на дрова.

Снегопад возможен в раннем октябре.
Белки, ёжики, удобства во дворе.
А зимою – несусветные снега.
И озёра – сплошь сосновы берега.

Ледниковые озёра – сверхчисты.
А на финских, русских кладбищах – кресты.
Тут и там – вкрапельня клоковенных болот.
И кому-то грустно.
Мне – наоборот.

НА СМЕРТЬ ГОЛЬФСТРИМА (Проект Эпитафии)

Когда-то боги создали Гольфстрим,
Спеша с Европы снять Оледененье.
И завещали: бережнее с ним,
Бережь дитя от самого рожденья.

Гольфстрим тотчас
послушно в путь потек.
И жизнь вдохнул в замёрзшую Европу, –

Без хирургии, без библиотек,
Без хвастовства, без сна, без гороскопа.

Мильоны лет минули с той поры,
Миллиарды судеб вышли из игры.
Но жив Гольфстрим, дарующий тепло.
...Внезапно вдруг ему не повезло:

В дно Моря, где рождается Гольфстрим,
Вонзился бур нефтяников. О, Горе!
Взорвав преграды,

Нефть рванулась в Море!
(На жажде процветания – горим...)

А в страхе перед этою бедой,
Пытаясь Нефть разрушить под водой, –
Мильоны тонн чего-то слили в Море
(Что для него опасней рака, а не кори),
Губя в нём всё – живое, неживое...
Гольфстрим всерьёз задет был на живое:

Природы тонко скроенный баланс
Трещал, как на ухабах дилижанс.
Гольфстрим притормозил и охладел.
Печален и трагичен наш удел.

Как будем жить мы без Гольфстрима –
сами –

Средь ураганов, наводнений и цунами?!
Гольфстрим пал жертвой бума нефтяного,
Не избежать Европе плена Ледяного.

ЗАПЛАТИ И ВОЙДИ

Хочешь войти в «Сотню Великих мира»?
Заплати и войди.
Заплати и войди – в «СТО Учёных мира».
Заплати и войди – в «СТО Поэтов мира».
Заплати и войди – в «СТО Врачей мира».
Заплати и войди – в «СТО Палачей мира».
Заплати и войди...

* * *

Если ты накладываешь вето,
Что ж, долой свободы маята.
И не светит – быть игрушкой ветра,
Впившись в стропы купола-зонта.

Парашют – в чулан, туда же марки,
Спец-паёк, рюкзак и ледоруб,
Кордильеры, Корсики, Ямайки...
Уступить твоих влеченью губ,

И вживаться в новую личину...
Возникает, как бы незначай,
Синусоидальный путь мужчины:
Упустил Удачу, – получай!

* * *

Лес, подступивший
к платформе вплотную,
Рельсы сжимает до ниточек тонких.
Тропки испуганно – в лес, врассыпную
От супертоварняков многотонных.

Что до зверья, то «леса обезлосили»,
Разве ежи, комары да пичуги.
Эти как дома, другие забросили –
Кто-то хоромы, кто-то лачуги.

Лес осторожен и мудр по-природе,
Гибок, уступчив, порою коварен.
Милостив он к человеческой породе.
Будь Человеком, и Лес – благодарен.

* * *

Не пейте даже миллилитра
Воды из Финского залива.
Уже доказано in vitro –
Не поздоровится in vivo.

Хлебните пинту или кварту
Из Магелланова пролива.
А там – смотря как ляжет карта,
Но может кончиться счастливо.

ГЛАДИОЛУСЫ

С утра ещё не поднял головы,
А гладиолусы торжественно раскрылись, –
От первых взоров солнца окрылились,
И были по-осеннему правы.

Уже октябрь – короче день за днём,
И северные ветры участились.
И гуси пред отлётом причастились,
И парк расцвечен охрой и огнём.

В лесах царит покой... и кутерьма:
Зверьё готовится к зимовке.
И белки соревнуются в сноровке, –
Проверит строго матушка-Зима.

Не столь уж званым гостем на дворе –
Октябрь, с дерев срывающий одежды.
И не осуществлённые надежды
Обычно умирают в октябре.

* * *

Гортензии зимою полуспят
И просят их зимой не беспокоить.
Гортензии – не полчища опять,
И сбить их с траектории легко ведь.

Но если их обычаи беречь,
Гортензии – вакханки полутени –
Откликнутся всей радугой цветенья.
Доверься им и не противоречь.

* * *

Дачную интеллигенцию
Привлекают мои стихи.
Но даруют мне индальгенции
И читатели от сохи.

У стихов моих послевкусие –
Не тотчас, как у «Хванчары».
Возникают о них дискуссии
В мире взрослых и детворы.

И стихов моих почитатели
С разных градусов долготы –
Мои слушатели и читатели.
И намеренья их чисты.

